

В последнее время в Юнься всё чаще стали появляться лотки с лянфэнем - почти на каждой улице теперь был свой. Ту Хай не стеснялся в средствах: размахнулся по-крупному и фактически монополизировал рынок лянфэна во всём Юнься. Даже если позже рецепт и утечет, новым торговцам всё равно с ним не тягаться.

Цены он поставил такие же, как раньше у Лин Сина, сделав ставку на тонкую маржу и большие объёмы. А поскольку его торговые точки были разбросаны по всему городу, зарабатывал он за день куда больше, чем Лин Син в своё время. Пусть по сравнению с доходами игорного дома это было ничто, но в сумме два ляна серебра в день выходили без особого труда. Старые, больные и искалеченные братья из его окружения наконец-то начали выглядеть по-людски - в них появилась жизнь, исчезла прежняя обречённость.

Глядя на это, Ту Хай вздохнул с облегчением. Лин Син ведь дал рецепт, а он, Ту Хай, уже столько дней ищет человека и всё без малейшей зацепки. Рецепт сработал, дело пошло, а просьба, с которой к нему обратились, так и осталась без результата. Для Восьмого господина Ту такое означает потерю достоинства. Поэтому он снова созвал подчинённых и велел отправить ещё больше людей на поиски.

А в это время в доме семьи Шэнь...

Кто отправился в город торговать, кто копал землю у подножия горы. Сюй Юфан сидела во дворе, долго смотрела на вышивку в руках и тяжело вздыхала. В прошлый раз, когда Шэнь Хуэй отнёс в вышивальную мастерскую готовые работы, часть из них вернули. Сказали: не соответствует прежним требованиям, вышито плохо.

В этот раз мастерская и вовсе дала ей совсем немного: всего три узора. Что заработаешь на трёх узорах? Денег едва хватит даже на покупку ниток, не говоря уже о том, что раньше ей уже вернули почти половину вышивки.

Глаза от яркого света начали зудеть. Сюй Юфан сидела, погружённая в тяжёлые мысли, и машинально потёрла их рукой - глазные яблоки тут же покраснели.

Когда-то, вышивая дни и ночи напролёт, она могла тянуть на себе весь дом, покупать старшему сыну лекарства, лишь бы продлить ему жизнь. А теперь... теперь она и правда состарилась. Руки уже не те, глаза не те, вышивать, как раньше, она больше не могла. А семья всё равно оставалась бедной: максимум - не умереть с голоду. Если она больше не сможет зарабатывать вышивкой, как же они будут жить дальше?

Земли у них мало, а осенью ещё придётся платить серебром за зерно и налоги. Чем больше Сюй Юфан думала об этом, тем сильнее её охватывала тревога, тем сильнее чесались глаза. Она снова и снова тёрла их и вдруг почувствовала, будто нащупала что-то лишнее, липкое.

Медленно, осторожно она потёрла ещё раз и ощутила, как нечто выходит из глазницы. Сжав пальцы, она увидела на кончиках жёлтую, вязкую слизь.

Сюй Юфан уставилась на неё, и сердце у неё пропустило удар от ужаса.

Она не осмелилась рассказать об этом семье, побоялась, что они начнут переживать. К тому же она и сама чувствовала: в последние дни у Син-гера на душе что-то тяжёлое. И не только у него, у эрлана тоже был плохой цвет лица. Похоже, на прилавке с баоцзы возникли какие-то трудные, неразрешённые проблемы.

Сюй Юфан вытерла липкую массу о землю, несколько раз наступила на это место соломенным башмаком, пока след совсем не исчез, потом пошла вымыть руки и вернулась продолжать вышивку словно ничего и не было.

Как она и предполагала, на прилавке с баоцзы действительно возникли сложности. В последнее время торговля шла всё лучше и лучше: о баоцзы разошлась молва, и многие соглашались пройти лишний крюк, лишь бы купить именно их. Но продавал всё это один лишь Лин Син, и товара стало не хватать.

Немало людей втайне присматривались к этому ремеслу, пробовали сами замешивать тесто, однако баоцзы у них выходили совсем не такими пышными и мягкими, как у Лин Сина. Желающие устроить неприятности находились, но всякий раз, завидев Шэнь Хуэя, они так и не решались перейти к делу.

Обычный высокий и крепкий человек может внушать робость, если таких людей немного, а вот когда их много и настроение подогрето, толпа всё же способна ринуться вперёд. Но Шэнь Хуэй был иным. От него исходила настоящая убийственная аура: стоило ему просто встать рядом, и даже по кончикам волос было ясно - с этим человеком лучше не связываться.

Да и вообще, кто из нормальных людей стрижёт волосы так странно? Торчат во все стороны, будто грива у взъерошенного льва.

К тому же иногда к прилавку с баоцзы заходил Сюй-ци - вроде бы просто купить еды, но на деле ещё и чтобы негласно поддержать Шэнь Хуэя и Лин Сина. После этого всякая мелкая шваль окончательно отступала, пряча тёмные мысли поглубже. Оставалось только издалека, украдкой наблюдать.

Пока что никто не решался действовать исподтишка, зато первыми проявили себя те, кто предпочитал «культурные» методы. Помимо соседних торговцев, прилавком с баоцзы заинтересовались и закулисья трактиров и ресторанов. Их интересовали вовсе не сами баоцзы или маньтоу, а способ, благодаря которому тесто получалось таким пышным и мягким.

Первыми к Лин Сину обратились из ресторана «Юнься». Точнее, после нескольких дней тайной слежки наконец решили выйти на контакт.

Лин Син и Шэнь Хуэй ещё три дня назад заметили, что за ними наблюдают, более того, за ними даже следовали. Все эти дни они намеренно не ходили горными тропами, опасаясь, что

за ними могут пойти на тёмное дело.

Три дня напряжения и тревоги, и наконец стало ясно, кто именно стоит за этой слежкой.

Лин Син ещё совсем недавно думал, что после того, как в ресторане «Юнься» он оставил целый лян серебра, так толком и не попробовав блюд, в ближайшее время его нога туда больше не ступит. Но прошло совсем немного времени, и вот он снова сидит в отдельной комнате того самого ресторана.

Сегодня, едва прилавок с баоцзы закрылся, перед ним появился управляющий «Юнься». Тот вежливо представился, говорил мягко и обходительно, а затем пригласил Лин Сина и Шэнь Хуэя зайти в ресторан и спокойно поговорить. Шэнь Хуэй сразу встал перед Лин Сином, не позволяя людям из ресторана подойти ближе. Он наклонился и тихо спросил, хочет ли тот идти. Если бы Лин Син отказался, Шэнь Хуэй был готов хоть сегодня же поднять шум и любой ценой проводить его домой в целости и сохранности.

Лин Син, впрочем, догадывался о причине этого приглашения. Даже если не пойти сегодня, рано или поздно разговор всё равно состоится. Поэтому он кивнул и согласился.

Управляющего рестораном звали Чжао Чупин. Это был слегка полноватый мужчина средних лет с усами «восьмёркой». Он часто улыбался, и потому у глаз залегли глубокие лучики морщин. Чжао Чупин приветливо разлил чай по чашкам, всем своим видом показывая: человек он сговорчивый, к разговору открыт.

Лин Син и вправду чувствовал жажду. Он облизнул губы, взял чашку и осторожно подул на поверхность. На ощупь фарфор был тёплым, не обжигающим, Лин Син решил, что чай как раз подходящей температуры.

Но стоило сделать глоток, как язык обдало болью.

— У-у...

Горячо!

Лин Син не осмелился выплюнуть чай, с трудом проглотил его - горло тут же онемело. Он приоткрыл рот и стал втягивать прохладный воздух, пытаясь унять жжение во рту.

Шэнь Хуэй нахмурился и поднял руку, заслонив лицо Лин Сина, отсекая пристальный взгляд Чжао Чупина.

— С сяо танжу всё в порядке? — тут же обеспокоенно спросил Чжао Чупин. — Я сейчас прикажу принести холодной воды.

Он сразу окликнул ожидавшего у двери слугу и велел тому принести прохладную воду, а затем обернулся и с извиняющимся видом добавил:

— Это моя оплошность, не предупредил заранее. Чашки сделаны по особой технологии: когда в них наливают горячий чай, снаружи они кажутся прохладнее обычных.

Помедлив, он осторожно спросил:

— Может, всё-таки позвать лекаря, чтобы взглянул?

Чжао Чупин опасался, как бы дело не закончилось ожогом.

Лин Син замахал рукой. К счастью, чай был не слишком горяч, обожгло лишь в первое мгновение. Сейчас ему стало заметно легче, разве что во рту и на языке всё ещё ощущалась тупая онемелость.

— Не нужно. Я позже выпью что-нибудь холодное, и всё пройдет.

Чжао Чупин только вздохнул. Как ни крути, он пришёл за рецептом, а в итоге с порога умудрился ошпарить человека, да ещё и тот отказался от лекаря. А Чжао Чупин привык: в любых делах первое впечатление должно быть безупречным. Поэтому он поднялся и сказал, что сам пойдёт проверить, готова ли холодная вода. Хотелось лично принести её хотя бы в знак извинения.

Когда тот вышел, Шэнь Хуэй наклонился к Лин Сину; в его глазах читалось явное беспокойство.

— Приоткрой рот, я посмотрю, насколько серьёзно, — сказал он и тут же добавил: — Только язык не поднимай.

Лин Син послушно кивнул и открыл рот, намеренно прижимая кончик языка вниз. В комнате было сумрачно, и Шэнь Хуэй видел не слишком ясно. Он протянул руку, взял Лин Сина за подбородок и слегка приподнял его, осторожно поворачивая из стороны в сторону и всматриваясь как можно внимательнее.

Убедившись, что волдырей от ожога нет, он отпустил руку.

— Обошлось. Чуть позже попей холодного, поддержи во рту и потом проглоти.

Чжао Чупин вернулся довольно быстро. Он нёс поднос с прохладной водой, в которую были брошены листья мяты - свежо и приятно. После нескольких глотков Лин Син и правда почувствовал себя гораздо лучше.

Когда он допил стакан мятной воды, Чжао Чупин, выждав мгновение, вновь с улыбкой заговорил о деле:

— Баоцзы с вашего прилавка и впрямь восхитительны. Я, Чжао, за свою жизнь попробовал немало изысканных блюд, видел множество способов приготовления, но такого, чтобы тесто выходило столь мягким и воздушным, ещё не встречал.

Лин Син лишь мягко улыбнулся и промолчал, спокойно ожидая продолжения. Не получив отклика, Чжао Чупин и сам умел продолжить представление: его улыбка ни на миг не померкла, а голос стал ещё более приветливым.

— Скажу тебе, сяо танжу, — начал Чжао Чупин, — не из лести, а по совести: способ, которым ты замешиваешь тесто, - редкостное мастерство. Я вижу, ты каждый день встаёшь ещё затемно, хлопочешь без продыху, а пирожки и пампушки продаёшь совсем недорого. Не хочешь ли зарабатывать побольше?

За годы, проведённые в должности управляющего, Чжао Чупин повидал людей самых разных. Одного взгляда ему хватило, чтобы понять: Лин Син беден до крайности, и больше всего ему не хватает серебра. Перед тем как идти к лотку с баоцзы, Чжао Чупин всё разузнал. Бедняк из захудалой деревушки Сяо Лю, да к тому же вдовый гер - вот и всё. В семье Шэнь заступников нет, разве что рядом с ним постоянно крутится второй сын, Шэнь-эрлан, у которого имеются кое-какие знакомства. Но самое «весомое» из них - это всего лишь смотритель торговых мест Сюй-ци.

Сушая мелочь, не о чем беспокоиться. Чжао Чупин был уверен в себе. Уже сам его мягкий, учтивый тон был великой милостью, с его точки зрения, отказаться здесь было просто невозможно.

А что до цены за рецепт...

— Пять лян серебра.

Он поднял руку, растопырив пять коротких, мясистых пальцев - уверенно, без тени сомнения.

— Ну как? За такую цену, кроме моего ресторана «Юнься», никто не перебьёт. У других просто не найдётся больше.

В этих словах уже явственно слышалась угроза.

То, на что положил глаз ресторан «Юнься», другим ресторанам и постоялым дворам трогать не позволено. Не продашь «Юнься», значит, не продашь никому.

Но Лин Син не поддался на угрозу. В прошлой жизни он повидал всякое, потому и сейчас

говорил спокойно и ровно:

— Управляющий Чжао, я не собираюсь продавать рецепт.

— Не... не собираешься продавать? — Чжао Чупин не поверил своим ушам. — Даже за пять лян серебра?!

Для деревенского двора пять лян - это деньги, которые и за целый год не всегда удаётся скопить. И он отказывается?!

— У меня сейчас и так всё хорошо идёт, — без обиняков ответил Лин Син. — Если продолжать работать, рано или поздно эти пять лян я и сам заработаю.

Он говорил искренне и при этом не мог отделаться от ощущения, что Чжао Чупин ведёт себя странно и нелепо. Словно Лин Син изначально только и ждал случая продать рецепт, хотя на деле его просто выследили и позвали сюда без всякого спроса. Он ведь не дурак. Даже торгуя одними лишь баоцзы, ещё месяц - и он вполне реально сможет накопить эти самые пять лян. А дальше, если работать честно и упорно, серебро будет собираться понемногу, капля за каплей.

Чжао Чупин по-прежнему улыбался, но в его голосе уже не было прежней лёгкости и показного радушия.

— Эх, сяо танжу, ты ещё молод, жизни толком не видел. Муж умер, живёшь один в семье мужа... Эти пять лян серебра - твоя опора и защита. Или ты думаешь, что родня мужа сумеет уберечь для тебя этот рецепт?

— Господин Чжао, моя семья относится ко мне хорошо, — холодно ответил Лин Син. — Если уж говорить, давайте говорить по-человечески.

Слова Чжао Чупина его откровенно задели, и тон Лин Сина заметно остыл.

Сам Чжао Чупин всё-таки побаивался стоявшего рядом Шэнь Хуэя: слишком уж тот был высок и крепок. Если вспылит и ударит, одного удара хватит, чтобы сломать кости. Поэтому, услышав ответ Лин Сина, он поспешил смягчить разговор и подстроился под ситуацию.

— Ай, язык мой - враг мой, это я лишнего сказал. Но, как говорится, слова грубые, да правда в них есть. Тебе бы всё-таки стоит думать о себе и о своём будущем. Некоторые вещи лучше решать тогда, когда их ещё можно уладить с улыбкой. Это куда лучше, чем потом решать их через кровь и слёзы. Ты ведь понимаешь, верно?

Услышав это, Шэнь Хуэй поднял взгляд на Чжао Чупина. Его глаза были холодны, как сталь, и смотрели прямо, будто острière клинка. Чжао Чупин невольно напрягся, сглотнул и поспешно отвёл взгляд, делая вид, что ничего не заметил.

«Да что с этим человеком не так? — мелькнуло у него в голове. — Такое ощущение, будто он людей убивал...»

Шэнь Хуэй людей не убивал, но не раз сталкивался с лютыми хищниками на охоте. И в этот самый момент ему очень хотелось ударить.

Однако разум взял верх: он знал, что сейчас нельзя переходить границу. С улыбающимся тигром труднее всего справиться: именно они бьют сильнее и без жалости.

Лин Син тихо вздохнул. По словам Чжао Чупина было ясно - тот всё заранее просчитал и не сомневался, что сумеет выдать из него рецепт. При таком раскладе Лин Син понимал: удержать рецепт, скорее всего, не удастся.

У него не было ни власти, ни покровителей; у семьи Шэнь тоже. А вот у Чжао Чупина в Юнься действительно имелось влияние. Сейчас он пришёл с улыбкой и вежливостью, а что будет дальше, одному небу известно. Какие грязные приёмы он может пустить в ход потом, лучше даже не думать.

Но и просто так отдать рецепт Лин Син не мог, внутри всё протестовало. К тому же...

Краем глаза Лин Син взглянул на плотно закрытую дверь, прикинул время и спокойно произнёс:

— Продать можно. Но это не должно повлиять на мою дальнейшую торговлю. Иначе говоря, рецепт я продаю вам, господин Чжао, но свой ларёк с баоцзы я продолжаю держать.

Чжао Чупин уже открыл рот, собираясь возразить, но Лин Син поднял руку, останавливая его:

— Господину Чжао не стоит продолжать. Если вы не позволите мне и дальше продавать баоцзы, я просто раздам рецепт всем желающим. Тогда уж пусть не зарабатывает никто.

Это был первый раз, когда Чжао Чупина откровенно поставили перед угрозой. Он вскинул руку, собираясь хлопнуть по столу, но не успел: Шэнь Хуэй поднялся со своего места и встал перед Лин Сином.

Его взгляд, острый, как у ястреба, впился в Чжао Чупина так, словно он готов был вырвать из него кусок живой плоти.

Рука Чжао Чупина взметнулась вверх и так же мягко опустилась, лишь скользнув ладонью по поверхности стола. Возможности сделать так, чтобы эти двое отсюда не вышли, у него, конечно, были. Но жизненный опыт, накопленный за долгие годы, ясно подсказывал: прежде чем они «не выйдут», ему самому придётся изрядно пострадать от рук Шэнь Хуэя.

А настоящий мужчина должен уметь и гнуться, и распрямляться. Тем более когда речь идёт о торговле - в делах важнее всего мир и прибыль.

Круглое лицо Чжао Чупина вновь расплылось в улыбке.

— Ладно, — сказал он примиряюще. — Пусть будет по-вашему, как сказал сяо танжу.

<http://bllate.org/book/13938/1328318>